

УДК 911.3:32

КЛЮЧЕВЫЕ ФАКТОРЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ В 2012–2022 гг.

© 2025 г. Ф. М. Чернецкий^{1, *}, М. Крсманович²

¹Географический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

²Независимый исследователь, Москва, Россия

*e-mail: fedor.mcche@gmail.com

Поступила в редакцию 13.06.2024 г.

После доработки 18.03.2025 г.

Принята к публикации 26.08.2025 г.

Ключевой фактор, определяющий электоральную географию Республики Корея, — политический регионализм, основанный не на этнорелигиозных особенностях регионов, как во многих других случаях, а на истории экономического развития страны. Регионализм на выборах проявляется в основном в повышенных или пониженных уровнях поддержки политиков в разных регионах страны. Однако у регионализма в Республике Корея есть еще несколько более тонких проявлений — различия между устройством политических контекстов ряда регионов можно рассматривать как различия между региональными политическими культурами. В каждой из этих культур могут формироваться совершенно разные электоральные расколы. В итоге регионализм значительно затрудняет проведение композиционного анализа электоральной географии страны, посредством статистических методов установления зависимости между электоральным поведением избирателей и различными социально-экономическими характеристиками. В данном исследовании этот метод адаптируется для южнокорейского контекста. Основной результат исследования — выявление сильной региональной гетерогенности влияния отобранных факторов на зависимые переменные. Для большинства политических сил влияние отобранных факторов на географию их поддержки различается от региона к региону и количественно, и качественно. Выделяется наиболее подверженный регионализму регион Чолла, где социально-демографические факторы практически не объясняют географию поддержки основных политических сил. Как и на отдельных выборах в других регионах, композиционный подход неприменим из-за сильного влияния контекстуальных эффектов. В ряде случаев партии получают повышенный уровень поддержки не в районах с определенной композицией электората, а в родных районах их представителей. Например, распределение поддержки регионалистской партии в регионе Чхунчхон преимущественно объясняется средним расстоянием от мест, связанных с лидерами партии. В остальном большая часть внутрирегиональной дисперсии зависимых переменных — следствие воздействия отобранных социально-демографических факторов.

Ключевые слова: электоральная география, Республика Корея, выборы, композиционный подход, регионализм

DOI: 10.7868/S2658697525050036

ВВЕДЕНИЕ И ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Большая часть электорально-географических исследований затрагивает выборы в странах Европы и Америки, тогда как электоральной географии стран Азии и Африки уделяется значительно меньшее внимание. Пространственные модели голосования в основном обобщены на основе материала “западных” демократий (Taylor and Johnston, 1979), поэтому могут быть

неприменимы или требовать значительной корректировки в иных контекстах, отличающихся принципами формирования и функционирования, например, партийных систем и электоральных размежеваний.

Выборы в Республике Корея (РК) — хороший пример, демонстрирующий необходимость уточнения на относительно новом материале некоторых уже выявленных электорально-геогра-

фических закономерностей (Чернецкий, 2022б). В основном исследователи обращают внимание на наиболее яркие проявления южнокорейского политического регионализма — стабильно повышенную или пониженную поддержку партий и кандидатов в южных регионах страны. Анализировались региональные особенности электоральных предпочтений избирателей, история формирования и динамика этого феномена (Kim, 2003; Yea, 2000). При этом влияние регионализма на электоральное поведение избирателей сложнее и местами менее заметно, однако значимее для электоральных процессов. На поверхности лежат самые заметные проявления регионализма — электоральные предпочтения избирателей, выражаемые в уровнях поддержки разных политических сил. Однако регионализм в целом воздействует на электоральное поведение: данное понятие более широкое, чем предпочтения. Под воздействием регионализма сформировались различные региональные политические культуры, что проявляется не только в процентах поддержки разных партий, но и в, например, в разных пониманиях нормы в политике и конкретно на выборах, в многообразных стилях и подходах к политическим явлениям, в формировании совершенно разных местных контекстов, делающих само “место” одним из полноправных факторов на выборах.

Значительная часть электорально-географических исследований состоит из или включает в себя отдельные элементы “экологического/композиционного анализа” (Коргунюк, 2014; Raos, 2021; Suchánek and Hasman, 2022). Обычно он заключается в статистическом анализе взаимосвязей между электоральными переменными и основными социально-экономическими показателями по каким-либо территориальным ячейкам. Такой подход обращает внимание практически только на структуру (композицию) электората в определенном месте. При этом сама география оказывается почти вне поля зрения исследователей, так как установленные взаимосвязи обычно учитывают лишь социально-экономические переменные, пусть и агрегированные по обладающим территориальностью сущностям. Такой же анализ можно провести, сгруппировав данные об электорате любым иным способом. География в данном случае выходит на первый план лишь при объяснении электоральных карт полученными результатами и информацией о расселении представителей тех или иных социальных групп (Taylor and Johnston, 1979).

Данный подход со временем перестал быть доминирующим в политико-географических исследованиях, однако остался популярным. Отчасти ему на смену пришел “контекстуаль-

ный подход”, дополнивший композиционный вниманием к местному контексту. Он более “географичен”, поэтому, например, Д. Азеведу называет его “сильной электоральной географией” в противовес “слабой электоральной географии” — композиционному подходу (Azevedo, 2023, p. 11). Если при композиционном подходе электоральная география — лишь пространственная дифференциация результатов выборов и наложение их на карту, а пространство — контейнер для политических процессов; то при контекстуальном подходе пространство — полноценный фактор этих процессов. К контекстуальным относятся, например, эффекты “друзей и соседей”, “избирательной кампании”, “соседства” и др. (Туровский, 2006). Разница между данными подходами не ограничивает потенциал дисциплины, а напротив, позволяет строить географическую перспективу несколькими способами, в том числе через связи между различными общественными науками (Azevedo, 2023).

Однако несмотря на недостаточную “географичность” композиционного подхода, он вполне применим для анализа факторов электоральной дифференциации пространства. Особенно удобен он для первичного анализа электоральной географии каких-либо стран и регионов, когда необходимо определить основные электоральные ядра и географические расколы на выборах. Результаты такого анализа служат базой для дальнейших исследований, использующих иные методы.

Для анализа выборов в Республике Корея композиционный подход уже использовался (Kwon, 2008; Lee and You, 2019; Park, 2008), однако зачастую влияние регионализма учитывается при этом мало. Подобные исследования обычно проводятся с помощью регрессионного анализа, в котором как зависимые переменные выступают электоральные показатели (явка избирателей, доли голосов за партии/кандидатов), а как независимые — социально-экономические показатели.

Однако строить регрессионные модели без учета региональных особенностей, агрегируя данные только на национальном уровне, в данном случае нельзя. Их результаты на национальном уровне обычно не репрезентативны, так как распределение поддержки некоторых политических сил искажено регионализмом и не соответствует нормальному. Например, география поддержки партий “либерального” политического лагеря состоит из комбинации трех нормальных распределений отдельных регионов РК. Результаты корреляционного и регрессионного анализа в таких условиях мо-

гут быть недостоверными. К тому же одни и те же показатели в разных регионах могут иметь не только разную силу влияния на результаты выборов (что наблюдается повсеместно), но и разные “направления” влияния. Например, в одном регионе молодежь может составлять основной электорат одной партии, а в остальных склоняться к поддержке других.

В итоге значительная часть результатов статистически незначима, а влияние на результаты выборов оказывает лишь малая часть переменных. Другой распространенный недостаток — высокий уровень агрегации используемых данных. Например, Кан Учхан¹ использовал разбивку на 16 городов и провинций (Kang, 2016), а Ли Хёнхуль и Александр Репкин — данные на уровне двух сотен муниципалитетов (Lee and Repkine, 2020). Провинции крайне внутренне гетерогенны, муниципалитеты — более однородные в социально-экономическом отношении единицы, однако столь небольшое количество наблюдений обычно обеспечивает невысокий уровень значимости полученных результатов. В нашем исследовании были учтены данные недочеты, вызванные спецификой политического контекста страны.

ЮЖНОКОРЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ

На выборах в РК обычно участвуют два политических лагеря: условно “либеральный” и “консервативный”. Условность названий — следствие отсутствия четких классических идеологических расхождений между ними. Основные различия проявляются во внешней политике, трактовках истории страны и по некоторым частным социально-экономическим вопросам. Ядерный электорат основных политических лагерей определяется преимущественно двумя факторами — региональным и поколенческим (Чернецкий, 2022б).

Регионализм на выборах впервые проявился в 1960–1970-х годах, на которых электорат юго-востока страны [регион Кёнсан (рис. 1)] был консолидирован вокруг правящей партии, а избиратели юго-запада (регион Чолла) — вокруг оппозиции. Теорий формирования данного явления несколько. Одна из основных соотносит нынешние географические расколы на выборах с существовавшим полтора тысячелетия назад делением Корейского полуострова на три государства, два из которых (Пэкче и Силла) примерно соответствуют нынешним

регионам Чолла и Кёнсан. Предполагается, что это разделение отчасти и сформировало “региональную неприязнь” и “региональный фаворитизм” в рамках уже единой страны, в том числе посредством укоренившихся стереотипов и институциональных ограничений. Другая теория не отрицает первую, но объясняет такое электоральное поведение избирателей их реакцией на региональные экономические диспропорции во время индустриализации второй половины XX в. Большинство политических и бизнес-элит происходило из региона Кёнсан, этот же регион, отчасти благодаря “региональному фаворитизму”, стал наиболее экономически развитым, не считая столичного (김진하, 2010). В то же время регион Чолла оказался исключенным из индустриализации и модернизации, что спровоцировало мощные общественные и политические движения внутри региона, оппозиционные правящему военному режиму. Усилило регионалистские настроения в Чолла и жестокое подавление в 1980 г. восстания в Кванджу — крупнейшем городе региона (Gimm, 2013). Регионализм сохранился и после сглаживания межрегионального экономического неравенства (Чернецкий, 2022б).

В 1987–2012 гг. были представлены партии и кандидаты, опиравшиеся на электорат региона Чхунчхон. Однако они не смогли конкурировать с более крупными и консолидированными политическими лагерями Чолла и Кёнсана. Их поддержка сошла на нет, а регион стал колеблющимся (김옥 et al., 2015).

Сохранению регионализма и партийной системы, основанных на региональном противостоянии, отчасти способствует избирательная система. Президентские выборы проходят в один тур, а на парламентских выборах преобладает мажоритарная составляющая в виде выборов по одномандатным округам с системой относительного большинства. Это усиливает тенденции к двухпартийности и затрудняет появление и устойчивое значимое присутствие “третьих” партий, в том числе основанных не на регионалистских принципах.

Второй фактор — поколенческий раскол. Старшие избиратели — “поколение индустриализации” — родившиеся до 1960-х годов и ставшие свидетелями стремительного экономического роста страны 1960–1990-х годов, поддерживают консервативный лагерь, отчасти наследующий правящим партиям тех лет. Следующее “поколение 586”, представители которого родились в 1960–1970-х годах, были политически активными студентами в 1980-х годах, а сейчас достигшие 50–60-летнего возраста, формирует ядерный электорат либерального лагеря, наследующего оп-

¹ Для кириллизации корейских имен используется “система Концевича”. Для кириллизации географических названий используется “Словарь географических названий Республики Корея” Л.Р. Концевича.

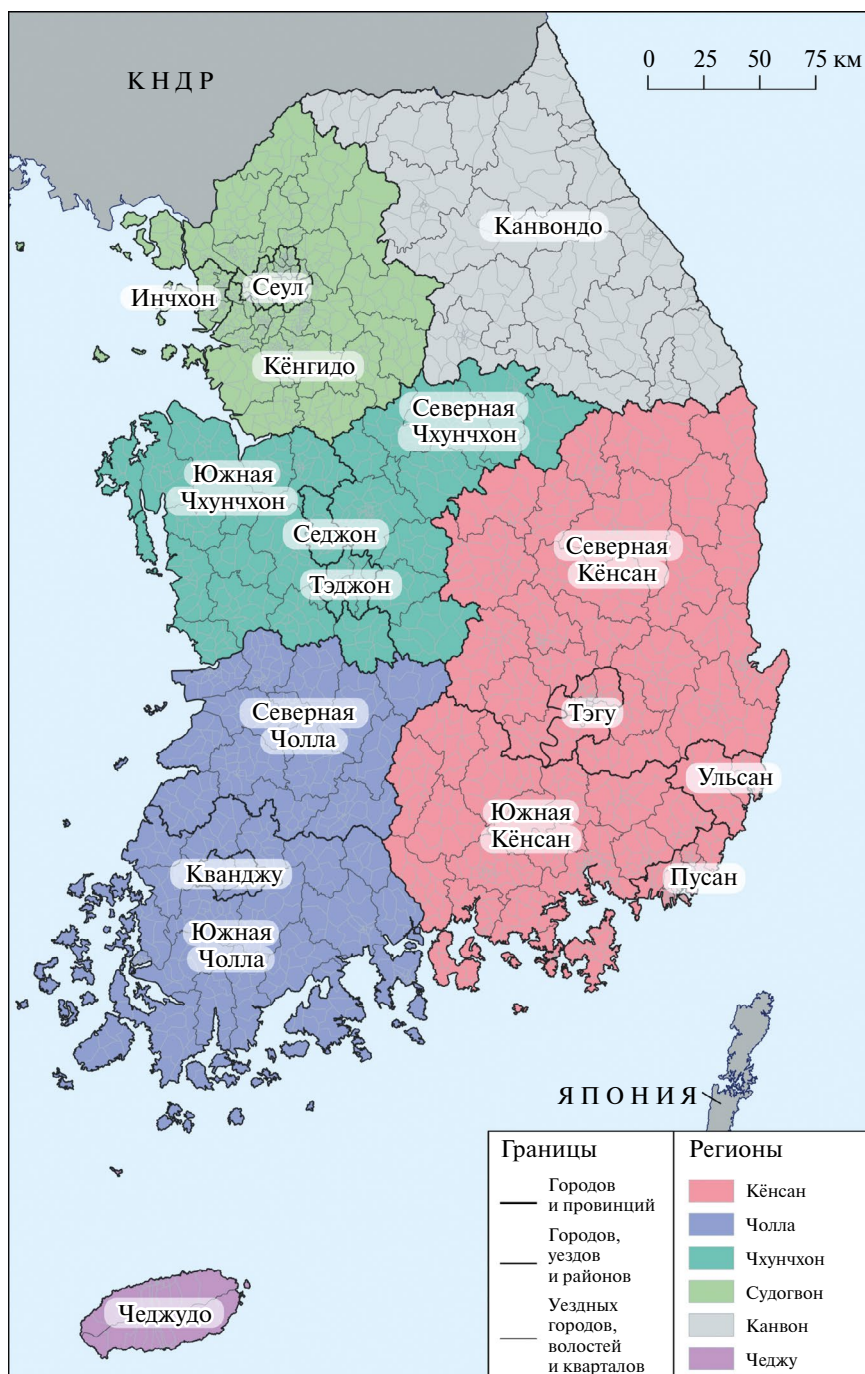

Рис. 1. Административное деление Республики Корея, 2012–2022 гг.
Составлено авторами.

позиции времен правления военных (Park, 2011)². Младшее поколение, выросшее после демократизации и заставшее регулярные смены либеральных

² Отсюда и название поколения: “5” — от 50-летнего возраста, которого достигло большинство представителей поколения в 2010–2020-х годов; “8” — от 1980-х годов, когда старшая часть поколения училась в университетах и активно участвовала в протестных акциях; и “6” — от 1960-х годов, когда родилась старшая когорта данного поколения. Данный термин возник в 1990-е годы, поэтому ранее использовалось название “поколение 386” (аналогия с названием появившихся тогда процессоров “Intel 386”), где “3” — от 30-летнего возраста представителей поколения.

и консервативных президентов, не имеет стабильных электоральных предпочтений и колеблется между основными политическими лагерями. Социалистические партии и кандидаты — маргинальная, но устойчивая часть политического спектра — пользуются повышенной поддержкой “поколения 586” и студентов.

ДАННЫЕ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Для анализа отобранные национальные выборы, для которых возможно собрать необходимые

статистические данные: это президентские: 2012, 2017 и 2022 гг.; парламентские (пропорциональная часть): 2012, 2016 и 2020³ гг.

Для определения значимости факторов, влияющих на электорально-территориальную дифференциацию результатов выборов в РК, используется “композиционный подход”. То есть оценивается влияние на электоральные предпочтения избирателей их демографической и социально-экономической структуры. В южнокорейском контексте предполагается значимость следующих показателей: возраста, уровня образования и структуры занятости жителей, а также типа застройки района. Уровень доходов в Республике Корея не относится к значимым электоральным факторам (Lee and You, 2019).

Молодые избиратели регулярно колеблются между двумя основными политическими лагерями, оказывая также стабильно повышенную поддержку крайне левым политическим силам. Избиратели “поколения 586” — ядерный электорат либералов, а “поколение индустриализации” — консерваторов. Уровень образования (школьное/без образования, бакалавриат, ученая степень) и структура занятости — традиционные факторы, влияющие на электоральное поведение избирателей во многих странах.

Тип застройки отчасти маркирует городской или сельский тип населенного пункта, то есть показатель используется в основном для оценки влияния степени урбанизации района на электоральные предпочтения избирателей. Однако в некоторых случаях данная переменная может оказывать более прямое воздействие на результаты выборов. Например, в сеульском районе Каннам именно многоэтажная застройка — маркер консервативной ориентации квартала, хотя структура избирателей соответствует типичному про-либеральному району (Чернецкий, 2022а).

Данные агрегированы на наиболее дробном уровне административного деления (~3.4 тыс. ячеек). Источник данных о результатах выборов — сайт Национальной избирательной комиссии⁴. Прочие показатели получены с сайта Корейской службы статистической информации⁵. Для обработки данных использовались программа SPSS Statistics и язык программирования Python.

³ Парламентские выборы 2024 г. не анализировались, так как ни по текущему, ни по предыдущему годам еще не доступны необходимые социально-экономические данные с дробной географической детализацией.

⁴ National Electoral Commission (NEC). <http://info.nec.go.kr/> (дата обращения 11.04.2024).

⁵ Korean Statistical Information Service (KOSIS). <https://kosis.kr/index/index.do> (дата обращения 11.04.2024).

Для избежания воздействия на результаты расчетов регионального эффекта анализ имеет смысл проводить отдельно по каждому региону: Столичный регион (Судогвон), Кёнсан, Чолла, Чхунчхон и Канвон. Провинция Чеджу не учитывалась из-за небольших размеров — она делится всего на 43 территориальные ячейки, на уровне которых агрегированы данные, что делает невозможным получение статистически достоверных результатов. Другая причина, затрудняющая анализ, — мультиколлинеарность — независимые переменные сильно коррелируют друг с другом. Следует сначала снизить размерность (объединить коррелирующие переменные в факторы), после чего уже их использовать как независимые переменные в регрессиях.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Факторный анализ

По результатам факторного анализа по всем временным срезам был выделен один и тот же набор из четырех факторов. Высокие значения фактора № 1 (~40% объясненной дисперсии показателей) соответствуют районам с многоэтажной застройкой, высокими уровнем образования (бакалавриат) и долей людей 1965–1985-х годов рождения (“поколение 586”) (рис. 2). Фактор № 2 (~20%) — районы с молодым (1980–2000-х годов рождения) образованным населением, занятым в отраслях, требующих соответствующий уровень образования (финансы, страхование, недвижимость, IT, бизнес-услуги). Фактор № 3 (~15%) — районы с не пожилым населением и очень высоким уровнем образования (доля ученых степеней), высокой долей занятых в соответствующих отраслях и отсутствием занятости во вторичном секторе. Низкие значения этих факторов соответствуют районам с частной застройкой, низким уровнем образования и пожилым населением. Фактор № 4 (~10%) интерпретировать сложнее: высокая корреляция наблюдается только с долей жителей, родившихся в 1950–1960-х годах. Основной фактор — № 1, так как именно он отражает главный не региональный раскол южнокорейского электората.

Регрессионный анализ

Регрессионные модели были построены для каждой партии и кандидата, участвовавших в исследуемых выборах. Всего анализ включал 119 зависимых переменных (82 на парламентских выборах, 37 на президентских) по пяти регионам и стране в целом, так как география поддержки некоторых политических сил может и не быть следствием регионализма. Однако

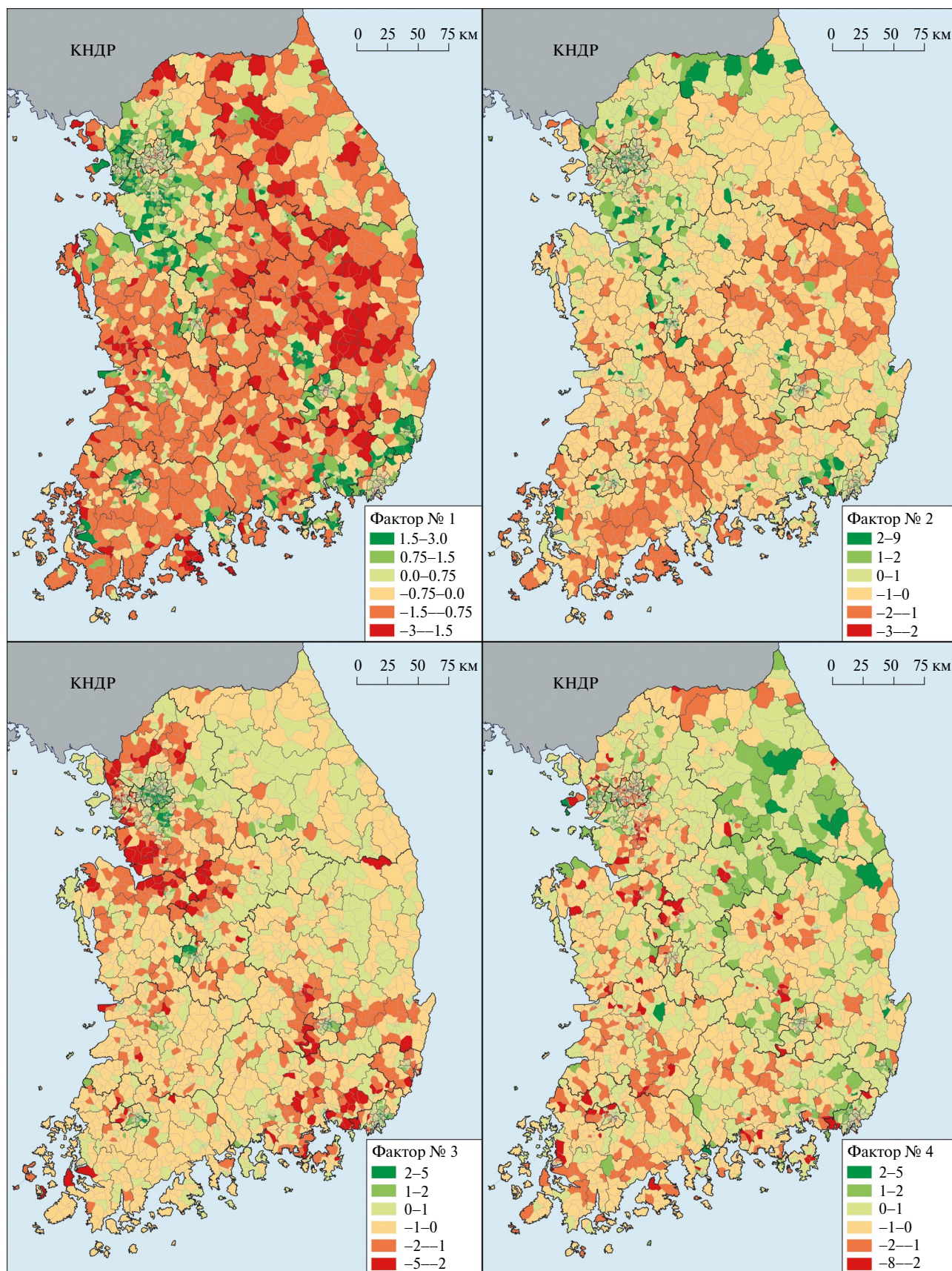

Рис. 2. Распределение значений факторов, 2016 г.
Составлено авторами.

значимость полученных результатов для партий и кандидатов, набравших менее 3%, невелика, поэтому в статье они не приводятся.

Рассмотрим результаты моделей для основных десяти кандидатов на президентских выборах (табл. 1). При анализе на уровне всей страны *R*-квадрат (объяснительная сила) моделей крайне низок. Либо влияющие на зависимые переменные факторы не были найдены при отборе, либо влияние отобранных факторов в регионах неодинаково, а полученные значения — “средние по больнице”. Исключения — социалистка Сим Санджон и консерватор-центрист Ю Сынмин. Для них модели демонстрируют значимые результаты на национальном уровне.

Проблема неоднородности данных решается переходом на региональный уровень. Здесь в большинстве моделей *R*-квадрат высок и интерпретация коэффициентов при факторах имеет смысл. Максимальна объяснительная сила моделей в северных и центральных регионах: Чхунчхон, Судогвон и Канвон; минимальна — в Чолла. То есть в большинстве регионов отобранные факторы объясняют большую часть дисперсии зависимых переменных, тогда как в Чолла присутствуют неучтенные факторы.

Для консерваторов во всех регионах характерно сильное отрицательное влияние факторов № 1–3, особенно фактора № 1. То есть районы повышенной поддержки консерваторов соответствуют районам с высокой долей пожилых избирателей и частной застройки, низким уровнем образования. Особенно низка их поддержка в районах с высокой долей избирателей “поколения 586”. Исключение — Юн Согёль, у которого фиксируется положительная связь с фактором № 3 (высокая доля ученых степеней) в Судогвоне. С ним же связан и еще один интересный эффект: в Чолла факторы № 1–3 оказывают положительное влияние на его электоральную поддержку. В регионе есть неучтенные переменные, влияющие на его поддержку, однако факторы № 1–3 в данном регионе точно действуют в ином направлении, чем в других. Отчасти этим и объясняется низкая объяснительная сила общестрановых моделей.

Закономерности голосования за либералов имеют зеркальный вид. Их уровень поддержки выше в районах с высокой долей многоэтажной застройки, избирателей “поколения 586” и с высоким образованием. Положительное влияние оказывает и фактор № 2 (молодежь), однако сила этого фактора ниже. Социалистка Сим Санджон имеет схожие паттерны поддержки, однако в некоторых регионах значимость фактора № 2 выше. Похожая ситуация и у кон-

серватора-центриста Ю Сынмина, сумевшего привлечь колеблющихся избирателей.

География поддержки Ан Чхольсу, центриста и выходца из либеральной Демократической партии, плохо объясняется отобранными факторами, а их воздействие имеет разные направления в разных регионах. Например, в Кёнсане фактор № 1 оказывает значимое положительное влияние, тогда как в Чхунчхоне — отрицательное.

Похожие закономерности фиксируются и по результатам анализа парламентских выборов (табл. 2). Объяснительная сила моделей на национальном уровне высока лишь у некоторых социалистических (Партия справедливости) и центристских (Народная партия) партий. Однако есть и существенные различия. Например, в 2012 г. на региональном уровне отобранные факторы объясняют значимую долю дисперсии географии поддержки партии Сэнури и Демократической партии только в Судогвоне, а для объяснения географии поддержки чхунчхонской региональной Передовой либеральной партии (ПЛП) они и вовсе незначимы. Далее эта аномалия исчезает и *R*-квадрат моделей высок почти во всех регионах, кроме Чолла.

Влияние факторов по политическим лагерям почти такое же, как и на президентских выборах. Только территориальная дифференциация голосования за чхунчхонских регионалистов в 2012 г. (Передовая либеральная партия) не объясняется отобранными социально-демографическими показателями.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Полученные результаты в первую очередь подтверждают основные гипотезы о сильном положительном и отрицательном влиянии факторов № 1–3 на географию поддержки либералов и консерваторов соответственно. Действительно, уровень поддержки либеральной Демократической партии увеличивается при увеличении в структуре электората доли “поколения 586” — ядерного электората данной партии. Это самоочевидный вывод, для которого не требовалось проводить подобного анализа. Однако полученные результаты указывают и на ряд более интересных и тонких закономерностей.

Региональный эффект на выборах в РК заключается не только в “бонусе” или “штрафе” для какой-либо политической силы в определенном регионе, но и в логике построения электоральных расколов, отличной от национальной. Например, в Чолла на последних двух выборах консерваторы получили максимальную поддержку среди молодежи, которая в других регионах поддерживает либералов. Отсутствие

Таблица 1. Результаты регрессионных моделей для президентских выборов

Год	Кандидат	Регион	R-квадрат	Коэффициенты факторов			
				№ 1	№ 2	№ 3	№ 4
2012	Пак Кынхе (К)	Корея	0.08	<i>-0.10</i>	<i>0.54</i>	-1.16	6.44
		Канвон	0.51	-3.45	-0.90	-2.82	1.53
		Чхунчхон	0.62	-4.27	-2.50	-1.79	1.75
		Судогвон	0.58	-8.77	-6.92	-1.70	1.80
		Кёнсан	0.32	-5.08	-2.84	-1.16	<i>0.18</i>
		Чолла	0.08	-0.57	-0.43	<i>-0.23</i>	0.77
	Мун Джэин (Л)	Корея	0.08	<i>0.41</i>	<i>-0.30</i>	1.23	-6.38
		Канвон	0.55	3.75	1.11	2.86	-1.50
		Чхунчхон	0.65	4.55	2.71	1.90	-1.71
		Судогвон	0.59	8.91	7.00	1.73	-1.80
		Кёнсан	0.36	5.42	3.14	1.28	<i>-0.10</i>
		Чолла	0.14	0.92	0.77	<i>0.31</i>	-0.75
2017	Мун Джэин (Л)	Корея	0.11	3.42	<i>0.18</i>	1.00	-3.05
		Канвон	0.60	3.94	0.91	2.76	-0.83
		Чхунчхон	0.78	5.13	2.09	2.08	-1.20
		Судогвон	0.59	7.02	3.70	1.56	<i>-0.18</i>
		Кёнсан	0.43	5.73	2.80	1.62	-0.57
		Чолла	0.13	2.23	<i>-0.11</i>	<i>0.51</i>	<i>-0.04</i>
	Хон Джунпхе (К)	Корея	0.13	-5.18	-1.24	-1.68	3.58
		Канвон	0.58	-5.05	-2.56	-2.77	1.17
		Чхунчхон	0.78	-5.92	-2.53	-1.94	1.64
		Судогвон	0.66	-8.60	-4.48	-1.83	-0.25
		Кёнсан	0.68	-9.53	-4.81	-3.49	0.47
		Чолла	0.12	-0.39	-0.23	-0.13	0.27
	Ан Чхольсу (Л/Ц)	Корея	0.02	-0.31	-0.29	-0.17	-0.75
		Канвон	0.13	-0.30	0.81	-0.50	0.48
		Чхунчхон	0.23	-0.97	-0.52	-0.67	-0.41
		Судогвон	0.34	0.02	-0.16	-0.49	0.63
		Кёнсан	0.44	1.40	0.76	0.82	<i>0.19</i>
		Чолла	0.13	-2.61	0.07	<i>-0.67</i>	-0.16
	Ю Сынмин (К/Ц)	Корея	0.40	1.21	0.80	<i>0.82</i>	0.20
		Канвон	0.53	<i>0.64</i>	0.35	<i>0.30</i>	-0.70
		Чхунчхон	0.76	0.91	0.48	0.54	-0.08
		Судогвон	0.69	<i>0.85</i>	0.44	0.86	-0.21
		Кёнсан	0.51	1.58	<i>0.92</i>	<i>1.07</i>	<i>-0.08</i>
		Чолла	0.43	0.33	0.21	0.17	0.03
	Сим Санджон (С)	Корея	0.59	1.17	0.75	0.17	0.07
		Канвон	0.64	0.98	0.51	0.43	-0.20
		Чхунчхон	0.74	1.11	0.63	0.12	<i>0.07</i>
		Судогвон	0.32	0.90	0.60	<i>-0.01</i>	<i>0.01</i>
		Кёнсан	0.63	1.16	0.58	0.16	<i>0.05</i>
		Чолла	0.60	0.77	0.35	0.29	<i>-0.01</i>

Таблица 1. Окончание

Год	Кандидат	Регион	<i>R</i> -квадрат	Коэффициенты факторов			
				№ 1	№ 2	№ 3	№ 4
2022	Ли Джэмен (Л)	Корея	0.02	1.90	<i>0.45</i>	−2.53	−1.10
		Канвон	0.58	3.45	1.66	1.15	0.67
		Чхунчхон	0.70	4.09	2.16	<i>0.27</i>	0.61
		Судогвон	0.62	4.36	3.81	−1.88	2.53
		Кёнсан	0.35	4.60	2.02	− <i>0.08</i>	1.07
		Чолла	0.16	−0.48	−0.83	−1.15	− <i>0.05</i>
	Юн Согёль (К)	Корея	0.03	−2.00	−0.74	2.65	1.06
		Канвон	0.58	−3.51	−2.04	−1.05	−0.63
		Чхунчхон	0.72	−4.23	−2.42	− <i>0.22</i>	−0.66
		Судогвон	0.63	−4.37	−4.09	1.98	−2.52
		Кёнсан	0.34	−4.76	−2.17	<i>0.35</i>	−1.11
		Чолла	0.19	0.56	0.74	1.27	<i>0.04</i>
	Сим Санджон (С)	Корея	0.45	0.29	0.35	0.12	0.04
		Канвон	0.51	0.26	0.29	0.24	− <i>0.02</i>
		Чхунчхон	0.59	0.27	0.25	0.13	<i>0.03</i>
		Судогвон	0.37	0.24	0.35	0.11	<i>0.02</i>
		Кёнсан	0.48	0.32	0.24	<i>0.01</i>	0.06
		Чолла	0.26	0.12	0.16	0.08	<i>0.03</i>

Примечания: К — консерватор, Л — либерал, С — социалист, Ц — центрист. Курсивом выделены незначимые коэффициенты, для остальных $p < 0.05$.

Составлено авторами.

Таблица 2. Результаты регрессионных моделей для парламентских выборов

Год	Партия	Регион	<i>R</i> -квадрат	Фактор			
				№ 1	№ 2	№ 3	№ 4
2012	Сэнури (К)	Корея	0.09	0.72	1.16	0.53	5.95
		Канвон	0.15	−2.17	−0.21	−1.04	1.21
		Чхунчхон	0.18	−1.19	−0.39	0.28	2.79
		Судогвон	0.54	−7.81	−6.03	−0.24	1.74
		Кёнсан	0.27	−4.40	−1.89	−0.41	0.63
		Чолла	0.04	0.08	0.04	0.59	0.38
	Демократическая партия (Л)	Корея	0.04	−0.29	−0.35	−0.09	−3.80
		Канвон	0.08	2.03	0.51	0.56	−0.12
		Чхунчхон	0.25	2.83	1.82	0.28	−0.38
		Судогвон	0.48	6.15	4.80	−0.25	−0.55
		Кёнсан	0.35	3.76	2.74	0.79	0.75
		Чолла	0.08	−0.70	0.62	−1.04	1.41
	Передовая либеральная партия (Ч)	Корея	0.01	−0.45	−0.20	−0.47	−0.26
		Канвон	0.08	−0.22	−0.10	0.07	−0.08
		Чхунчхон	0.09	−2.39	−1.50	−0.77	−2.07
		Судогвон	0.09	0.22	0.09	0.08	0.07
		Кёнсан	0.13	0.08	0.10	0.23	−0.05
		Чолла	0.17	−0.14	−0.13	0.07	−0.01

Таблица 2. Продолжение

Год	Партия	Регион	<i>R</i> -квадрат	Фактор			
				№ 1	№ 2	№ 3	№ 4
	Объединенная прогрессивная партия (С)	Корея	0.23	1.41	0.32	0.54	−1.58
		Канвон	0.55	1.37	0.37	0.86	−0.54
		Чхунчхон	0.52	1.64	0.74	0.57	−0.28
		Судогвон	0.43	2.21	1.36	0.71	−1.11
		Кёнсан	0.27	1.94	0.31	0.21	−0.75
		Чолла	0.30	2.53	0.75	0.83	−2.13
2016	Сэнури (К)	Корея	0.11	−4.15	−0.11	−1.81	4.41
		Канвон	0.65	−5.94	−2.05	−3.65	0.61
		Чхунчхон	0.76	−6.36	−2.38	−2.68	1.86
		Судогвон	0.62	−9.70	−5.22	−3.11	0.04
		Кёнсан	0.65	−8.01	−3.67	−3.16	0.88
		Чолла	0.06	−0.64	−0.22	−0.11	0.48
	Демократическая партия (Л)	Корея	0.19	2.71	1.02	0.54	−1.22
		Канвон	0.54	3.25	1.62	2.18	−0.44
		Чхунчхон	0.49	2.83	1.03	0.74	−0.97
		Судогвон	0.56	5.20	3.13	0.82	0.05
		Кёнсан	0.46	4.05	2.45	1.69	−0.27
		Чолла	0.02	0.59	−0.81	0.06	0.19
	Народная партия (Ц/Л)	Корея	0.06	1.24	−0.49	1.30	−2.42
		Канвон	0.63	2.41	0.65	2.09	−0.16
		Чхунчхон	0.72	3.03	1.30	1.63	−0.30
		Судогвон	0.49	4.16	2.02	1.85	0.51
		Кёнсан	0.72	3.22	1.47	2.05	−0.43
		Чолла	0.07	0.00	1.96	0.75	0.13
	Партия справедливости (С)	Корея	0.55	1.49	0.60	0.96	−0.38
		Канвон	0.62	1.06	0.13	1.20	−0.16
		Чхунчхон	0.76	1.34	0.60	0.93	−0.26
		Судогвон	0.43	1.48	0.68	1.07	−0.48
		Кёнсан	0.54	1.47	0.52	0.57	−0.09
		Чолла	0.44	1.47	0.53	0.65	−0.31
2020	Объединенная партия будущего (К)	Корея	0.04	−2.95	−1.64	1.10	1.44
		Канвон	0.51	−3.39	−2.48	−0.92	0.10
		Чхунчхон	0.70	−4.43	−2.46	−0.88	0.43
		Судогвон	0.61	−6.02	−5.46	0.00	−2.17
		Кёнсан	0.47	−5.41	−2.61	−0.65	−0.64
		Чолла	0.05	−0.27	−0.39	0.22	0.19
	Демократическая партия (Л)	Корея	0.02	1.36	0.81	−1.46	−0.94
		Канвон	0.47	2.18	1.31	−0.11	0.19
		Чхунчхон	0.59	2.67	1.56	0.31	0.06
		Судогвон	0.57	3.41	3.36	−0.90	1.59
		Кёнсан	0.40	3.62	2.09	0.45	0.70
		Чолла	0.04	−1.00	0.96	−0.51	−0.05

Таблица 2. Окончание

Год	Партия	Регион	<i>R</i> -квадрат	Фактор			
				№ 1	№ 2	№ 3	№ 4
2020	Партия справедливости (С)	Корея	0.30	1.29	0.69	0.16	0.24
		Канвон	0.50	1.19	0.89	1.10	0.30
		Чхунчхон	0.66	1.35	0.73	0.34	0.18
		Судогвон	0.28	1.52	0.97	0.20	0.46
		Кёнсан	0.45	1.31	0.47	−0.03	0.38
		Чолла	0.20	1.06	−0.06	0.07	0.68
	Народная партия (Ц/Л)	Корея	0.71	1.23	0.80	1.06	0.02
		Канвон	0.53	0.93	0.42	0.75	−0.10
		Чхунчхон	0.78	1.21	0.71	0.83	−0.10
		Судогвон	0.80	1.35	0.79	1.10	0.06
		Кёнсан	0.66	1.27	0.74	1.02	0.03
		Чолла	0.51	0.46	0.51	0.66	0.05
	Открытая демократическая партия (Л)	Корея	0.24	0.76	0.30	0.39	0.00
		Канвон	0.54	0.67	0.14	0.55	0.08
		Чхунчхон	0.68	0.72	0.36	0.36	0.03
		Судогвон	0.60	0.96	0.51	0.43	0.17
		Кёнсан	0.48	0.65	0.25	0.29	0.04
		Чолла	0.42	1.26	0.28	0.93	0.32

Примечания: К — консерваторы, Л — либералы, С — социалисты, Ц — центристы, Ч — чхунчхонцы. Курсивом выделены незначимые коэффициенты, для остальных $p < 0.05$.

Составлено авторами.

такого эффекта на более ранних выборах объясняется, видимо, крайне низким уровнем поддержки консерваторов в регионе. Обратный, но более слабый эффект наблюдался в 2017 г. у Ан Чхольсу.

В других регионах этот эффект выражен количественно, но не качественно. Наблюдается одинаковое направление влияния факторов, но сила этого влияния в регионах различается. Например, наиболее сильное влияние фиксируется в Судогвоне. Там география поддержки основных политических сил максимально поляризована. В Кёнсане, Чхунчхоне и Канвоне воздействие факторов слабее. Внутрирегиональные различия (между субрегионами) невелики, лишь в южной части региона Кёнсан (Пусанский субрегион) влияние факторов существенно сильнее, чем в северной, и иногда достигает уровня Судогвона.

Однако есть и исключение. Фактор № 3 (крайне высокий уровень образования) оказывает в Судогвоне слабое влияние на распределение зависимой переменной. Воздействие фактора неоднородно. На некоторых выборах (например, 2022 г.) данный фактор имеет и иную, чем в других регионах, направлен-

ность. Обычно высокий уровень образования связан с про-либеральным голосованием, но в Судогвоне — маркер про-консервативного. Причина — электоральная аномалия сеульского района Каннам — делового центра с самым высоким уровнем образования населения, высокой долей избирателей средних возрастов, живущих в многоэтажных домах. Согласно логике композиционного подхода и выявленным в ходе нашего анализа закономерностям, Каннам должен быть про-либеральным районом. Однако он выделяется устойчиво высокой поддержкой консерваторов. Ключевое влияние на электоральное поведение избирателей здесь оказывают не композиционные, а контекстуальные факторы. В данном случае — специфическая история создания района, сформировавшая особую локальную идентичность жителей, завязанную на поддержку консерваторов и усиленную “эффектом соседства” (Чернецкий, 2022а). В итоге обнаруженная в других регионах закономерность в Судогвоне переворачивается.

Наиболее интересный результат — контраст между парламентскими и президентскими выборами 2012 г. в Чхунчхоне. На первый взгляд,

они различались лишь набором участников: на президентских выборах не были представлены социалисты и чхунчхонские регионалисты. Однако результаты регрессионного анализа на парламентских выборах демонстрируют очень слабое влияние отобранных факторов на зависимые переменные, тогда как на президентских выборах влияние весьма сильно.

Данная аномалия — еще один пример ограниченности возможностей композиционного подхода. Регионалистские настроения в Чхунчхоне затрагивали в основном провинцию Южная Чхунчхон. Причина — происхождение лидеров регионалистских движений именно из этой части региона (김옥 et al., 2015). Избиратели активнее отзывались на регионалистские лозунги в районах, где родились и/или вели политическую деятельность ключевые политики соответствующих партий. Это еще один контекстуальный эффект — “эффект друзей и соседей”. Коэффициент корреляции между средним расстоянием до мест рождения основных лидеров Передовой либеральной партии и остатками регрессии, построенной по четырем отобранным композиционным факторам, составляет -0.7 . То есть за ПЛП в основном голосовали в районах происхождения лидеров партии, а не в районах с определенной социальной или демографической структурой населения (рис. 3).

Этим обусловлена такая низкая объяснительная сила полученных моделей в 2012 г. Причем данный эффект повлиял не только на поддержку ПЛП в Чхунчхоне, так как география поддержки ПЛП за пределами региона тоже определялась не композиционными эффектами. С исчезновением этой партии на всех последующих выборах отобранные факторы демонстрируют значимое влияние на зависимые переменные.

География поддержки южнокорейских партий и политиков сильно зависит от контекстуальных эффектов, в том числе от “эффекта друзей и соседей”. Например, в Чхунчхоне на президентских выборах 1988 г. коэффициент корреляции между уровнем поддержки чхунчхонца Ким Джонпхилья и расстоянием от его “домашнего района” составил -0.84 . Такой же эффект наблюдался и у других кандидатов на большинстве выборов (Chernetskii, 2024). Добавление в регрессионную модель ПЛП в Чхунчхоне расстояния от мест рождения лидеров партии в качестве независимой переменной повысило R -квадрат модели с 0.09 до 0.55. Для Мун Джэина в его родном Кёнсане такое же усовершенствование моделей привело к увеличению их объяснительной силы с 0.36 и 0.43 до 0.61 и 0.66 в 2012 г. и 2017 г. соответственно. “Эффект друзей и соседей” — основной фактор, определивший географию их поддержки.

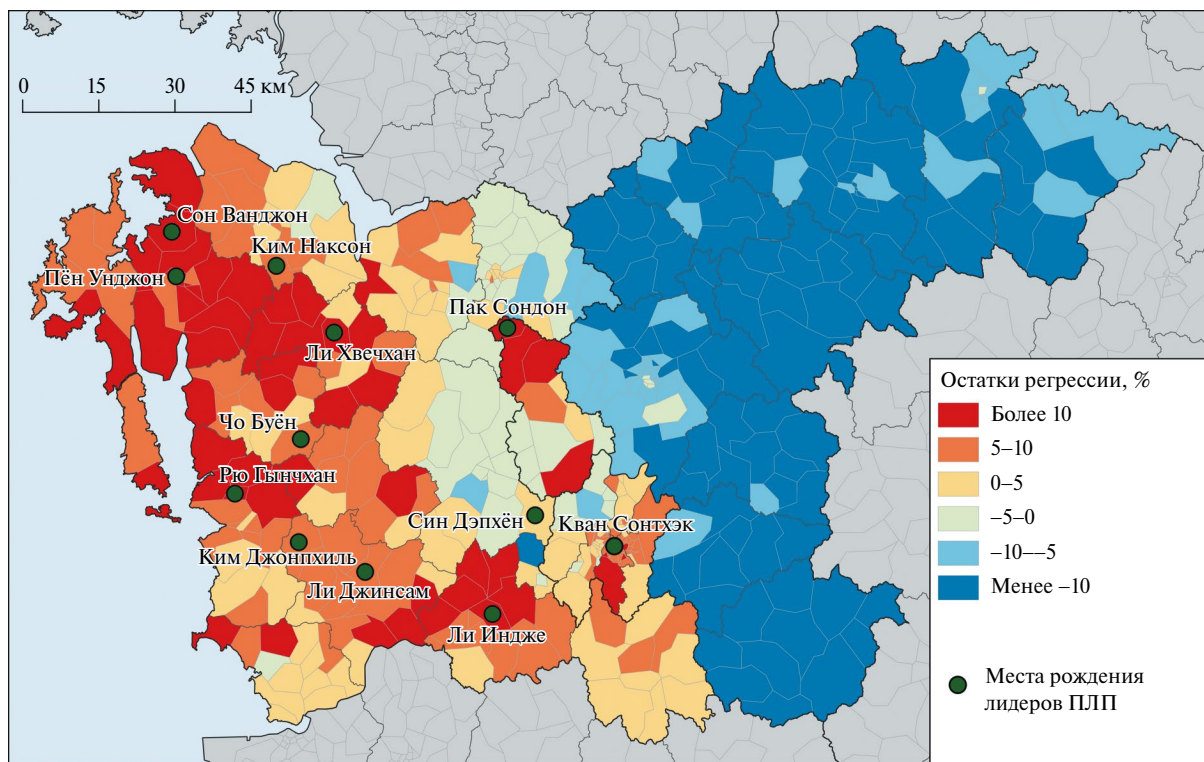

Рис. 3. Распределение остатков регрессионной модели Передовой либеральной партии в Чхунчхоне, 2012 г.

Примечание: Ким Джонпхиль не был членом ПЛП, однако именно он был создателем чхунчхонского регионализма и лидером партий-предшественниц ПЛП.

Составлено авторами.

Вероятно, именно этот эффект — причина низкой объяснительной силы большинства регрессионных моделей в Чолла. Например, география поддержки Ан Чхольсу и его Народной партии в регионе — производная от персональной поддержки его однопартийцев. Значительная часть Народной партии состояла из бывших местных депутатов от Демократической партии, доминирующей в регионе. Уйдя из партии, они увели за собой и часть местного электората.

Другая составляющая, снижающая значимость композиционных факторов, — влияние малых партий. Многие небольшие партии, получающие на национальном уровне около 1% голосов, в некоторых районах Чолла набирают десятки процентов. Подобное наблюдается и в других регионах, но не настолько повсеместно, так как регионализм в Чолла гораздо сильнее. Локализм имеет здесь повышенную значимость, так как регионалистская логика провоцирует поддерживать “своих” не только на национальном уровне, но и на субрегиональном. Например, консервативная партия Сэнури, получившая в 2016 г. в Чолла 5%, в нескольких уездах набрала по 15–30%. Причина — влияние сильных местных кандидатов. Партия получила повышенный уровень поддержки не в группе районов, выделяющихся по какому-либо социально-экономическому показателю, а в родных районах ряда своих кандидатов.

Такого эффекта практически нет у крайне левых партий и кандидатов. Выбранные факторы объясняют значительную часть дисперсии их поддержки не только в Чхунчхоне и Канвоне, но и в Чолла. Социалисты — небольшая и маргинальная часть политического спектра в РК, поэтому они обладают стабильной базой, включающей сильно идеологизированный электорат (студенты, прочая молодежь, члены некоторых профсоюзов). Следовательно, “эффект друзей и соседей” для таких “идеологических” партий слабее, чем для иных аморфных партий, отличающихся от других лишь набором своих лидеров.

ВЫВОДЫ

Электоральная география РК определяется в первую очередь региональным расколом. Региональный эффект на южнокорейских выборах выражается не только в повышенной или пониженной поддержке каких-либо партий в тех или иных регионах. Наиболее значимое его выражение — региональная гетерогенность влияния композиционных факторов. Отобранные социально-демографические факторы могут оказывать не просто количественно, но и качественно различное влияние на географию поддержки политических сил в разных

регионах. Такое явление — один из признаков существования в стране разных региональных политических культур, в которых формируются свои партийные подсистемы, электоральные структуры и специфическое электоральное поведение избирателей.

Внутри регионов, кроме Чолла (и если не считать редкие отдельные случаи, например, парламентские выборы в Чхунчхон в 2012 г.), большая часть электоральной дифференциации определяется композиционными факторами, например, возрастом, образованием и типом занятости избирателей. В большинстве случаев либеральный лагерь и социалисты пользуются максимальной поддержкой в районах с избирателями молодых и средних возрастов, высоким образованием и многоэтажной застройкой. География голосования за консерваторов — зеркало этого распределения. На субрегиональном уровне сильное влияние оказывают контекстуальные эффекты, например, “эффект друзей и соседей”. Политические силы получают повышенный уровень поддержки не в районах с определенной социально-демографической композицией электората, а в родных районах их представителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Коргунок Ю.Г. Региональная карта электоральных размежеваний по итогам выборов 2011 года // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз. 2014. Т. 74. № 3. С. 75–91.
- Чернецкий Ф.М. Gangnam style: роль локальной идентичности в электоральном поведении жителей Каннама (Сеул) // Городские исследования и практики. 2022. Т. 7. № 2. С. 71–86.
<https://doi.org/10.17323/usp72202271-86>
- Чернецкий Ф.М. Регионализм как ключевой фактор в электоральных процессах в Республике Корея // Вестн. Рос. корееведения. 2022. № 13. С. 67–81.
- Туровский Р.Ф. Региональное измерение электорального процесса // Общественные науки и современность. 2006. № 5. С. 1–20.
- Chernetskii F.M. “Our Local President”: Friends and Neighbors Effect in the Presidential Elections in the Republic of Korea // Korea J. 2024. Vol. 64. № 3. P. 95–125.
<https://doi.org/10.25024/kj.2024.64.3.95>
- de Azevedo D.A. The need for electoral geography: the possibilities in the field // Geousp. 2023. Vol. 27. № 2. P. 1–25.
<https://doi.org/10.11606/issn.2179-0892.geousp.2023.204649.en>
- Gimm D.W. Fracturing Hegemony: Regionalism and State Rescaling in South Korea, 1961–71 // Int. J. of Urban and Regional Res. 2013. Vol. 37. № 4. P. 1147–1167.
<https://doi.org/10.1111/1468-2427.12002>

- Kang W.C.* Local economic voting and residence-based regionalism in South Korea: evidence from the 2007 presidential election // *J. of East Asian Studies*. 2016. Vol. 16. № 3. P. 349–369.
<https://doi.org/10.1017/jea.2016.19>
- Kim W.B.* Regionalism: Its origins and substance with competition and exclusion // *Korea J.* 2003. Vol. 43. № 2. P. 5–31.
- Kwon H.Y.* A dynamic analysis of partisan voting: The issue salience effect of unemployment in South Korea // *Electoral Studies*. 2008. Vol. 27. № 3. P. 518–532.
<https://doi.org/10.1016/j.electstud.2008.01.006>
- Lee H.C., Repkine A.* Changes in and continuity of regionalism in South Korea: A spatial analysis of the 2017 presidential election // *Asian Survey*. 2020. Vol. 60. № 3. P. 417–440.
<https://doi.org/10.1525/as.2020.60.3.417>
- Lee Y., You J.* Is Class Voting Emergent in Korea? // *J. of East Asian Studies*. 2019. Vol. 19. № 2. P. 197–213.
<https://doi.org/10.1017/jea.2019.10>
- Park J.* The Conservatization of the 386 Generation: Cohort Effects in Voting Behavior of a Political Generation in South Korea. Durham: Duke Univ., 2011. 63 p.
- Park W.* Ecological Inference and Aggregate Analysis of Elections. PhD theses. Ann Arbor: Univ. of Michigan, 2008. 131 p.
- Raos V.* Age, Class, and Territory: Voting Patterns at the 2021 German Federal Election // *Političke analize: Tromjesečnik za hrvatsku i međunarodnu politiku*. 2021. Vol. 10. № 40. P. 9–15.
- Suchánek J., Hasman J.* Nativist with (out) a cause: a geographical analysis of the populist radical right in the 2017 and 2021 Czech parliamentary elections // *Territory, Politics, Governance*. 2022. Vol. 12. № 10. P. 1563–1584.
<https://doi.org/10.1080/21622671.2022.2150287>
- Taylor P.J., Johnston R.* Geography of Elections. London: Routledge, 1979. 530 p.
- Yea S.* Maps of resistance and geographies of dissent in the Cholla region of South Korea // *Korean Studies*. 2000. Vol. 24. № 1. P. 69–93.
<https://doi.org/10.1353/ks.2000.0020>
- 김옥, 유재일, 유병선 [Ким Ук, Ю Джэиль, Ю Бёнсон]. 충청 지역 정치의 최근 변화와 충청 지역주의 [Недавние изменения в чхунчхонской политике и чхунчхонский регионализм] // 비교민주주의연구 [Сравнительные демократические исследования]. 2015. Vol. 11. № 2. P. 45–75. (На кор.).
- 김진하 [Ким Джинха]. 한국 지역주의의 변화: 투표 행태와 정당을 중심으로 [Изменение корейского регионализма: фокус на электоральном поведении и политических партиях] // 현대정치연구 [Современные политические исследования]. 2010. Vol. 3. № 2. P. 89–114. (На кор.).

Factors of Territorial Electoral Differentiation in the Republic of Korea in 2012–2022

F. M. Chernetskii^{a,*} and M. Krsmanovich^b

^a*Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

^b*Independent Researcher, Moscow, Russia*

*e-mail: fedor.mche@gmail.com

The key factor determining the electoral geography of the Republic of Korea is political regionalism. This regionalism is based on the history of economic development in the country. Regionalism manifests itself in increased or decreased support for politicians in different regions. Differences in political contexts between certain regions can be seen as differences in regional political cultures, leading to completely different electoral splits in each culture. The regional factor greatly complicates the compositional analysis, which involves using statistical methods to examine the relationship between voter behavior and socioeconomic characteristics. In this study, we adapted these methods to the Korean. There is a significant regional variation in how factors affect dependent variables. For major parties and candidates, the selected factors' impact on their electoral geography varies from region to region. The Jeolla region is particularly notable, as it is more prone to regionalism. In this region, the socio-demographic factors do not practically explain the electoral geography of the main political parties. As in some other regions the compositional approach cannot be applied due to the contextual factors' influence. Parties gain increased support not in regions with a specific socio-demographic profile, but rather in the politicians' "home districts." For example, the support for the regionalist party in Chungcheong is mainly due to the distance from the leaders' birthplaces. However, most of the variance in the dependent variables within the region is a result of socio-demographic factors.

Keywords: electoral geography, Republic of Korea, elections, compositional approach, regionalism

REFERENCES

- Chernetskii F.M. The role of local identity in the electoral behavior of Gangnam residents (Seoul). *Gorod. Issled. Praktiki*, 2022a, vol. 7, no. 2, pp. 71–86. (In Russ.). <https://doi.org/10.17323/usp72202271-86>
- Chernetskii F.M. Regionalism as a key factor in electoral processes in the Republic of Korea. *Vestn. Ross. Koreevedeniya*, 2022b, vol. 13, pp. 67–81. (In Russ.).
- Chernetskii F.M. “Our local president”: Friends and neighbors effect in the presidential elections in the Republic of Korea. *Korea J.*, 2024, vol. 64, no. 3, pp. 95–125. <https://doi.org/10.25024/kj.2024.64.3.95>
- de Azevedo D. The need for electoral geography: The possibilities in the field. *Geousp*, 2023, vol. 27, no. 2, pp. 1–25. <https://doi.org/10.11606/issn.2179-0892.geousp.2023.204649.en>
- Gimm D. Fracturing hegemony: Regionalism and state rescaling in South Korea, 1961–71. *Int. J. Urban Reg. Res.*, 2013, vol. 37, no. 4, pp. 1147–1167. <https://doi.org/10.1111/1468-2427.12002>
- Kang W. Local economic voting and residence-based regionalism in South Korea: Evidence from the 2007 presidential election. *J. East Asian Stud.*, 2016, vol. 16, no. 3, pp. 349–369. <https://doi.org/10.1017/jea.2016.19>
- Kim W. Regionalism: Its origins and substance with competition and exclusion. *Korea J.*, 2003, vol. 43, no. 2, pp. 5–31.
- Korgunyuk Yu.G. Regional map of electoral divisions based on the results of the 2011 elections. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz*, 2014, vol. 74, no. 3, pp. 75–91. (In Russ.).
- Kwon H. A dynamic analysis of partisan voting: The issue salience effect of unemployment in South Korea. *Electoral Stud.*, 2008, vol. 27, no. 3, pp. 518–532. <https://doi.org/10.1016/j.electstud.2008.01.006>
- Lee H., Repkine A. Changes in and continuity of regionalism in South Korea: A spatial analysis of the 2017 presidential election. *Asian Survey*, 2020, vol. 60, no. 3, pp. 417–440. <https://doi.org/10.1525/as.2020.60.3.417>
- Lee Y., You J. Is class voting emergent in Korea? *J. East Asian Stud.*, 2019, vol. 19, no. 2, pp. 197–213. <https://doi.org/10.1017/jea.2019.10>
- Park J. The Conservatization of the 386 Generation: Cohort effects in voting behavior of a political generation in South Korea. *Master's Dissertation*. Durham: Duke University, 2011. 63 p.
- Park W. Ecological inference and aggregate analysis of elections. *PhD (Polit. Sci.) Dissertation*. Ann Arbor: University of Michigan, 2008. 122 p.
- Raos V. Age, class, and territory: Voting patterns at the 2021 German federal election. *Političke analize: Tromjesečnik za hrvatsku i međunarodnu politiku*, 2021, vol. 10, no. 40, pp. 9–15.
- Suchánek J., Hasman J. Nativist with (out) a cause: A geographical analysis of the populist radical right in the 2017 and 2021 Czech parliamentary elections. *Territ. Polit. Gov.*, 2022, vol. 12, no. 10, pp. 1563–1584. <https://doi.org/10.1080/21622671.2022.2150287>
- Taylor P., Johnston R. *Geography of Elections*. London: Routledge, 1979. 530 p.
- Turovskii R.F. The regional dimension of the electoral process. *Obshchestv. Nauki Sovrem.*, 2006, no. 5, pp. 1–20. (In Russ.).
- Yea S. Maps of resistance and geographies of dissent in the Cholla region of South Korea. *Korean Stud.*, 2000, vol. 24, no. 1, pp. 69–93. <https://doi.org/10.1353/ks.2000.0020>
- Kim W., Yoo J., Yu B. Recent changes in the Chungcheong regional politics and Chungcheong regionalism. *Comp. Democr. Stud.*, 2015, vol. 11, no. 2, pp. 45–75. (In Korean).
- Kim J. The change of Korean regionalism: A view on voting behaviors and political parties. *J. Contemp. Politics*, 2010, vol. 3, no. 2, pp. 89–114. (In Korean).